

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XIII¹⁾.

Однако, дѣло уладилось проще, чѣмъ надо было ожидать: когда я проснулась, то узнала, что въ домѣ шла хлопотливая суматоха вслѣдствіе полученнаго изъ Константинополя телеграфнаго увѣдомленія о прибытіи въ хіосскія воды къ вечеру того же дня яхты съ туристами, изъ которыхъ нѣсколько лицъ предполагали остаться у насъ до слѣдующаго обратнаго рейса. Въ числѣ таковыхъ находились совѣтникъ нашего посольства Ону и старшій драгоманъ Макѣевъ.

Однимъ словомъ, благодаря наплыву гостей, все какъ-то устроилось такъ, что обо мнѣ точно забыли и ни о чемъ не спрашивали. Али также молчалъ.

Вначалѣ эта неопредѣленность чрезвычайно угнетала меня; но затѣмъ подъ вліяніемъ тайной переписки съ Тафти, мое настроеніе измѣнилось, и я пассивно отдалась на волю своей причудливой судьбы.

Наступала четвертая недѣля Великаго поста, и я начала говѣть.

О нравахъ и порядкахъ въ греческой церкви на турецкомъ Востока уже достаточно рассказано мною, а теперь еще одна подробность въ томъ же стилѣ.

Глава епархіи, митрополитъ Адрианъ Дракополи былъ всегда убѣжденнымъ политическимъ недругомъ моего дяди, и отношенія эти создавали нерѣдко весьма нежелательныя послѣдствія для

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

обоихъ защитниковъ православія въ странѣ, гдѣ шла кровавая борьба за „преимущественное вліяніе“ надъ полумѣсяцемъ Ислама.

Вотъ, напримѣръ, картинка мѣстнаго характера, которая не требуетъ комментарій и наглядно изображаетъ нѣкоторыя черты изъ жизни греческаго духовенства на фонѣ, такъ называемой, „политики охраненія православія отъ схизмы“.

Мнѣ случалось иногда сопровождать мою тетушку въ церковь итальянской колоніи. Ходила я туда съ большимъ удовольствіемъ, чтобы послушать игру на органѣ артиста-патера и пѣніе великолѣпнаго хора, да наконецъ еще, какъ говорится на обыденномъ языкѣ, просто такъ—отъ нечего дѣлать для разнообразія впечатлѣній.

Это незначительное повидимому обстоятельство не укрылось отъ зоркаго ока нашего духовнаго пастыря.

Но владыко не ограничился въ данномъ случаѣ одними только наблюденіями платоническаго свойства, а пошелъ дальше и вызвалъ дипломатическую переписку черезъ Константинопольскій патріархатъ.

Въ изложеніи факта совращенія невинной овечки, причисленной къ его стаду, авторъ не пожалѣлъ красокъ и фантазій, лишь бы насколько возможно рельефнѣе отмѣтить тотъ гибельный путь, которымъ вели ее къ подножію латинскаго престола. И чего же не было тамъ по нашей російской прибауткѣ „для краснаго словца!“ Прежде всего, конечно, интриги моей тетушки при благосклонномъ участіи ея супруга, консула православной державы; далѣе: воротнички и манжеты епископа итальянской миссіи, сеньора Моренго; туфля Папы Римскаго; прелаты, строившіе якобы глазки дамамъ въ моменты богослуженія; статуэтки католическихъ святыхъ, заполнявшихъ будто бы всѣ углы въ моей комнатѣ—последнее отчасти соотвѣтствовало истинѣ: у меня на этажеркѣ дѣйствительно красовались два скульптурныхъ образца изъ бѣлаго мрамора: Ганимедъ похищенный орломъ и Діана—охотница, а на каминной доскѣ Амуръ и Психея.

Генералъ Игнатьевъ приказалъ дать этой литературѣ законный ходъ, и дѣло разгорѣлось.

Весь городъ было охваченъ волненіемъ, точно въ дни величайшихъ государственныхъ потрясеній: создавались легенды и басни; рассказывали невѣроятныя вещи о нашемъ представительствѣ на берегахъ Босфора; сплетни и толки вкривъ и вкосъ катились волнами по улицамъ, проникая даже за рѣшетки гаремовъ—турчанки, напримѣръ, пресерьезно спрашивали меня, когда же, наконецъ, русская дипломатія заберетъ въ плѣнъ греческаго митрополита и посадить

его на колъ? Однимъ словомъ, произошло что-то вельпое, дикое и вмѣстѣ съ тѣмъ очень смѣшное.

Когда же строго оффиціальнымъ дознаніемъ былъ установленъ безспорный фактъ плохо замаскированной интриги и клеветы, то святой отецъ запылалъ такимъ гнѣвомъ, что иному робкому человеку небо показалось бы съ овчинку; но такъ или иначе, а игра не удалась.

Зато не таковъ былъ и Адрианъ Драконоли, чтобы капитулировать: неудача окрыляла его энергію, и тѣмъ упорнѣе онъ велъ свою агрессивную, задорную политику.

Моему дядѣ по званію консула волей-неволей приходилось имѣть дѣловыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ вообще, а съ главой хіосской епархіи почти ежедневно. И вотъ однажды между ними произошелъ слѣдующій діалогъ, который я передаю для болѣе яснаго представленія о томъ, что будетъ ниже.

— Россійская церковь слишкомъ много усвоила латинской обрядности,—авторитетно говорилъ митрополитъ, не слушая возраженій:—у васъ и порядокъ исповѣди позаимствованъ отъ католиковъ: ну, пристойно ли священникамъ въ храмъ Божьемъ шептаться по угламъ съ женщинами, да еще прикрываясь епитрахилью!? Прямо ересь какая-то! Къ глубочайшему сожалѣнію — продолжалъ онъ:—ваша племянница очень слаба въ греческомъ языкѣ, а въ моихъ причтахъ никто рѣшительно не знаетъ другихъ нарѣчій, кромѣ своего родного „галика“. Отсюда вытекаетъ довольно сложная для рѣшенія задача: какъ прикажете исповѣдывать ее при наличіи такихъ неблагопріятныхъ условій?

— Но, ваше преосвященство — возразилъ дядя: — все же он настолько владѣетъ языкомъ, чтобы отвѣчать на немудреные вопросы—какіе тамъ грѣхи у молодой дѣвушки?

— Ахъ, извините!—съ горячностью перебилъ владыко:—она все-таки не ребенокъ и требуетъ чрезвычайно внимательнаго отношенія къ своему духовному міру! Въ данномъ случаѣ на мою совѣсть ложится прямая обязанность самолично и непосредственно заняться ея вольными и невольными прегрѣшеніями—кстати, я говорю немного по-французски, что хорошо извѣстно вамъ и, такимъ образомъ, намъ будетъ не трудно бесѣдовать.

Цѣль оказалась слишкомъ прозрачной, и бѣлыя нитки по черному бросались въ глаза; но спорить не приходилось вслѣдствіе того, что по существу дѣла глава епархіи стоялъ на точкѣ якобы законнаго требованія.

Однако дядя все-таки набрался храбрости и не совсѣмъ увѣренно возразилъ:

— Прекрасно! тѣмъ лучше для моей племянницы. Только мнѣ какъ-будто помнится, что согласно каноническому уставу не полагается лицамъ высшаго духовнаго сана совершать церковныя требы для прихожанъ?

Это подѣйствовало на благочестиваго отца Адриана, какъ шпоры въ бока ретивому коню. Сначала онъ наговорилъ столько дерзостей, что у насъ за это потянули бы къ мировому и въ заключеніе добавилъ:

— Критика моихъ дѣяній и распоряженій подлежитъ компетенціи Вселенскаго патріарха, а не чиновниковъ дипломатіи...

Но вернемся къ темѣ.

Въ субботу вечеромъ я отправилась въ кафедральный соборъ къ исповѣди. Да не нарисуетъ передъ собою фантазія читателя ту полумистическую обстановку, которая царитъ въ нашемъ храмѣ наканунѣ дня принятія св. Тайнъ: благоговѣнно склоненныя головы надъ крестомъ и Евангеліемъ, неуловимая для посторонняго уха бесѣда истомленной души съ тѣмъ, кто имѣетъ власть „прощать и разрѣшать“; тишина; религіозное настроеніе, мерцаніе лампадокъ и свѣчъ—о, нѣтъ! ничего подобнаго не увидѣлъ бы онъ (т. е. читатель) въ домѣ молитвы нашихъ просвѣтителей отъ тьмы языческой. И какъ же любятъ они подчеркивать при малѣйшихъ разногласіяхъ свои великія заслуги и свою цивилизаторскую роль въ нашей исторіи!

Шла вечерняя служба. Я сидѣла въ гинекеѣ¹⁾, наблюдая сверху толпу, которая имѣла такой видъ, словно она пришла не въ храмъ, а на биржу или аукціонъ; невѣроятный хаосъ звуковъ, отражаясь эхомъ подъ сводами купола, заглушалъ возгласы и пѣніе клира—впрочемъ, все это казалось обружавшимъ въ порядкѣ вещей и никого не поражало.

Богослуженіе закончилось чтеніемъ правилъ, которыхъ никто не слушалъ.

— Пора и намъ къ исповѣди!—говорили на хорахъ гречанки и уходили внизъ. Я также послѣдовала за ними.

Еще дома мнѣ предварительно было сказано, чтобы послѣ все-нощной находиться въ консульской ложѣ и тамъ ожидать распоряженій его преосвященства; но протискаться впередъ сквозь непроницаемую стѣну людской массы не имѣлось шансовъ, а потому невольно пришлось задержаться далеко отъ назначеннаго мѣста свиданія.

И вотъ картина на фонѣ священнодѣйствія: она все расскажетъ сама за себя.

¹⁾ Боковые хоры для женщинъ въ греческихъ церквахъ на Востокѣ.

Набожное нетерпѣніе захватываетъ толпу: каждый хочетъ непременно раньше другихъ свалить бремя грѣховъ исповѣднику и уйти домой; но такъ какъ спросъ превышаетъ наличность, то, конечно, по естественному ходу вещей, разгорается борьба, и въ результатѣ—нѣсколько добавочныхъ украшеній на фізіономіяхъ.

Такова бытовая сценка! Впрочемъ, все это находитъ себѣ объясненіе въ темпераментѣ грека, почему и рассматривается тамъ, на Востокѣ, какъ обыкновенное, заурядное явленіе. Но продолжаю рисовать картинку.

Дѣйствительно, митрополитъ былъ правъ, когда утверждалъ, что его священники не шепчутся по угламъ съ кающимися, и я вижу ихъ собственными глазами въ толпѣ прихожанъ, грязными, растрепанными, безъ всякихъ признаковъ должнаго облаченія и совершающими святое дѣло таинства по чрезвычайно упрощенному способу:

— Ну, что еще—говори!—раздается окрикъ:—Григорій, Христофоръ, Александръ и всѣ вы, нечестивые, подходите сразу—чего тамъ разводите исторіи: нагрѣшили?

— Да! да!—отвѣчаютъ.

— Ладно, ладно! можете убираться!.. властью мнѣ данной...—бормочетъ исповѣдникъ, энергичнымъ взмахомъ здоровенныхъ кулаковъ расчищая себѣ путь и пробиваясь дальше, но штурмъ возгорается съ новой силой, и онъ опять въ засадѣ:

— Батюшка!—кричатъ десятка два—три удалыхъ поликаровъ, окружая его со всѣхъ сторонъ:—и насъ отпусти—грѣхи тѣ же, что и въ прошломъ году...

— Хорошо! хорошо! властью мнѣ данной.

Что же касается дамъ, то здѣсь по преимуществу наблюдается тяготѣніе къ tête-à-tête'амъ.

Вотъ почти рядомъ со мной остановилась парочка: іерей, довольно все-таки приличнаго вида, и молодая, красивая гречанка, жена миллионера-плантора, Зигомоля.

Сначала оба говорятъ о житейскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ: о коммерческихъ успѣхахъ въ экспортѣ оливкаго масла, о фрахтахъ на Марсель, Одессу и пр., а затѣмъ уже начинается исповѣдь наболевшаго сердца, жаждавшаго духовнаго исцѣленія, и я съ большимъ удовольствіемъ слушаю занимательную бесѣду.

— Ахъ, батюшка,—лепечетъ дамочка сокрушаясь и преклоняетъ головку въ знакъ глубочайшаго раскаянія:—вы даже и представить не можете, какъ она морочитъ своего мужа—прямо, ни стыда, ни совѣсти...

— Такъ, такъ!—загораясь любопытствомъ, повторяетъ духовникъ и спрашиваетъ:—говорятъ, что кірія Параскева бьетъ свою невѣстку?

— О, да! конечно, да! но бьетъ за дѣло—кто же этого не знаетъ: замужня женщина, а строить глазки Григорію Афенись,—и скорбная нотка дрожить въ голосѣ кающейся.

— Такъ, такъ!—продолжаетъ собесѣдникъ:—но ваша задушевная подруга, киріа Харита, ведетъ себя, кажется, очень благопристойно.

— Что вы, что вы, отецъ Михайлъ—Богъ съ вами! а похождения ея въ Смирнѣ и Александріи? мнѣ-то все рѣшительно извѣстно...

Здѣсь покаянное настроеніе окончательно захватило щепетильную совѣсть добродѣтельной гречанки, и она вполнѣ чистосердечно рассказала о грѣховныхъ заблужденіяхъ своихъ друзей, знакомыхъ и родныхъ. Это было нѣчто хоть на страницы юмористическаго листка!

Вдругъ произошло общее смятеніе, точно непріятель и въ самомъ дѣлѣ наступалъ съ оружіемъ въ рукахъ: „Despotis! despotis!“—рѣзало воздухъ и все какъ-то перемѣшалось. Что же случилось?

Да ничего особеннаго, кромѣ того, что преосвященный Адріанъ изволялъ шествовать ко входу въ ризницу, чтобы тамъ переодѣться, при чемъ удары пастырскаго жезла такъ и сыпались, какъ изъ рога изобилія, на головы тѣмъ, кто встрѣчался по пути.

— Чего мечетесь, бараны, прочь съ дороги!—раздаются окрики:—а! пришли—въ добрый часъ!—это уже по моему адресу.

Вскорѣ митрополитъ вернулся, сопровождаемый тѣмъ же гвалтомъ и восклицаніями: „Despotis! despotis!“ Наконецъ, онъ усѣлся подъ балдахинъ своей ложи, движеніемъ руки приглашая меня подойти къ нему.

— Итакъ, мое возлюбленное чадо, вы желаете открыть мнѣ двери въ глубинѣ вашей души—прекрасно!—съ такимъ предисловіемъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ; комично не выговаривая букву „ж“ и сюсюкая, повелъ свою рѣчь мой духовникъ:—въ угоду вашему дядюшкѣ, господину консулу, я охотно берусь совершить таинство по ритуалу, допущенному въ русской церкви; но, конечно, въ предѣлахъ закона нашей общей религіи—наклонитесь! Съ этими словами онъ приподнялъ край епитрахили и взглянулъ на меня, не скрывая надменной усмѣшки.

— Ахъ, нѣтъ, ваше преосвященство,—отступая назадъ, проговорила я:—это уже когда священникъ читаетъ разрѣшительную молитву:—у насъ исповѣдываютъ передъ аналоемъ, на которомъ лежатъ крестъ и евангеліе...

— Какъ? какъ? повторите!—разливаясь хохотомъ, спрашивалъ владыко, и ему вторила публика, съ величайшимъ интересомъ на-

блюдавшая за ходомъ дѣйствія, какъ бы перенесеннаго изъ театральной залы въ домъ молитвы:—передъ аналоемъ! ужь не думаете ли вы, милая барышня, что мы собираемся вѣнчаться съ вами?! Тогда, извините: я не женихъ!..

Что послѣдовало затѣмъ—я не стану рассказывать: достаточно упомянуть, что даже митрополитъ смутился:

— Черти окаянныя! дурачье!—взбѣсились, что-ли? завтра же римскіе патеры чего только не наговорятъ!.. Опомнитесь, бараны безтолковые!..

Послѣднимъ доводомъ удалось возстановить сравнительную тишину, и бурный приливъ веселія пошелъ на убыль.

— Не подобаетъ мнѣ, какъ лицу, облеченному властью, отпускать грѣхи, становиться во фронтъ передъ кающимися: извольте тотчасъ же преклонить колѣно—пусть будетъ такъ!—сурово и въ тонѣ, не допускающемъ возраженія, обратился ко мнѣ преосвященный владыко.

Ошеломленная, ничего не соображая, безъ участія ума и воли, подобно автомату опустилась я къ его ногамъ.

— Ближе! ближе! ну, что еще за церемоніи!—раздражаясь, говорилъ онъ, быстрымъ движеніемъ запахивая надо мной епитрахиль и наклоня мою голову къ себѣ на колѣни.

— О, Господи, какой сумбуръ!—думалось мнѣ:—зачѣмъ все это? зачѣмъ? а моя восхитительная шляпа—прощай надежда удивить Элиме и ея подругъ!..

Да, пожалуй и было надъ чѣмъ задуматься: грубыя, потныя ладони безъ всякой жалости комкали и мяли прелестную гирлянду сирени, *chét d'oeuvrre* изъ Парижа!.. Но слѣдуетъ добавить сюда, что не здѣсь еще заключался источникъ глубокой тревоги, наполнявшей меня: нѣтъ, онъ лежалъ глубже, скрываясь въ тайникахъ моего сердца отъ пронизательнаго ока исповѣдника.

Однако, я заблуждалась: Адриану Дракополи и на умъ не приходило углубляться въ дебри человѣческой души—его поглощала другая мысль:

— Устами моими говорятъ Всевышній,—въ такомъ стилѣ началъ онъ и вдохновенно продолжалъ:—покайтесь во грѣхахъ и уходите отсюда чистой, непорочной, какъ лилія, свѣтлой, какъ серафимъ у престола Благодати! Врагъ нашей церкви не спитъ и куеть цѣпи ада—уйди отъ него подальше, исполни долгъ набожности и не утан ничего, дочь моя...

Какъ раненая ударомъ ножа рванулась я отъ него — хотѣла что-то сказать, объяснить; но слова не шли съ языка...

— Что съ вами?— снова закрывая мнѣ лицо епитрахилью, спро-

силъ владыко:—не волнуйтесь, успокойтесь и расскажите мнѣ съ полнѣйшей откровенностью рѣшительно все, что вамъ извѣстно о перепискѣ вашего дядюшки съ генераломъ Игнатьевымъ? Не можетъ того быть, чтобы вы этого не знали?

А, вотъ оно что! Ну, слава Богу!—подумала я, вздрагивая отъ радости, хотя въ слѣдующій моментъ меня заставили опять вернуться къ альтернативѣ:

— Итакъ, дочь моя, что знаете вы о письмѣ изъ Константинополя?

— Нѣтъ, нѣтъ! здѣсь не святое дѣло,—шепнулъ мнѣ тайный голосъ:—здѣсь интрига и политиканство—не надо, не надо!

— Ваше преосвященство,—таковъ былъ мой отвѣтъ:—я не имѣю ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ консульства, не интересуюсь этимъ и даже не могу сообразить, о чемъ вы спрашиваете?

Эффектъ получился самый неожиданный: митрополитъ рѣзкимъ движеніемъ отбросилъ меня въ сторону и вскочилъ на ноги. Гнѣвная вспышка не ускользнула отъ вниманія публики, и стѣны храма огласились шумными восклицаніями—это уже, какъ извѣстно, въ обычаяхъ и нравахъ греческаго темперамента, и безъ скандала у нихъ нигдѣ не обходится.

Но глава хіосской епархіи при всѣхъ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ качествахъ былъ еще къ тому же весьма тонкій дипломатъ: замѣтилъ ли онъ мой жалкій, растерянный видъ и съ присущей ему быстротой соображенія учелъ могущія возникнуть отсюда послѣдствія, или же—чего только не бываетъ на свѣтѣ?—призракъ генерала Игнатьева мелькнулъ передъ нимъ—неизвѣстно; но такъ или иначе, а туча, висѣвшая надо мной, прошла мимо и разрядилась дальше.

— Молчать, скоты, болваны! Молчать!—ревѣлъ пастырь на овецъ своихъ и показалъ буйному стаду громаднѣйшіе кулаки.

Таковымъ воздѣйствіемъ удалось очистить атмосферу отъ скопленія электричества, и налетавшій ураганъ повернулъ въ сторону.

— И намъ съ вами пора на покой—завтра рано вставать,—протянулъ отецъ Адрианъ съ гримасой, зѣвая во весь ротъ; но въ голосѣ его слишкомъ рѣзко звучала нотка разочарованія и горькой обиды:—а какъ читаете вы символъ вѣры—позвольте хоть объ этомъ узнать? на латинскомъ или французскомъ языкѣ?

— По-русски и только по-русски, владыко!—отвѣтила я.

— Ну, и слава Богу! очень радъ, очень радъ!—похвалилъ онъ, притискивая опять мой несчастный носъ къ своимъ колѣнямъ, чтобы заставить меня снова дышать ароматомъ его рясы, прони-

танной деревяннымъ масломъ и чѣмъ-то еще ужасно отвратительнымъ:—однако, вы не станете отрицать, что когда бываєте съ вашей тетушкой въ католической церкви, то читаете по книжкѣ ихъ мессу?—и не давая мнѣ времени хоть что-нибудь сказать, митрополитъ усѣлся на своего любимаго конька, пришпорилъ его и галопомъ поскакалъ въ Римъ. А я, не возражая, думала только о томъ, какъ бы ему не пришла охота завернуть кстати и въ область Ислама, откуда уже не далеко было до самыхъ интимнѣйшихъ уголковъ моего сердца. Но, нѣтъ! „туфля“ Папы оказалась сильнѣй „полумѣсяца“.

Стали гасить огни, прихожане уходили, клирошане дремали, а могучій басъ его преосвященства все еще гремѣлъ подъ сводами опустѣвшаго храма, обличая нашу матушку—Россію въ неблагодарности, измѣнѣ древнимъ преданіямъ Византіи и въ симпатіяхъ къ Риму.

Что же касалось лично меня и моихъ грѣховныхъ заблужденій, то объ этомъ даже и рѣчи не было между нами...

Наконецъ-то къ моему душевному облегченію краснорѣчивому проповѣднику дѣйствительно захотѣлось спать: онъ сладко зѣвнулъ и, мѣняя тонъ изъ мажорнаго въ минорный, устало проговорилъ:

— Держитесь твердо православной вѣры, не соблазняйтесь блескомъ латинства, гоните прочь отъ себя патеровъ, враговъ нашей религіи, и Господь украситъ васъ добродѣтелями христіанки!

Исполнивъ, такимъ образомъ, долгъ благочестія и высокаго подвига, отецъ Адріанъ, приподнявъ руку надъ моею всклокоченной головой, произнесъ священную формулу о прощеніи и отпущеніи грѣховъ.

— Итакъ, повторите же мнѣ, что вы не забудете моихъ совѣтовъ?

Я съ великимъ удовольствіемъ обѣщала ему исполнить все, что онъ требовалъ отъ меня, лишь бы уйти отъ него подальше.

Въ притворѣ ожидалъ меня кавасъ, чтобы проводить домой.

— Ну, о чемъ разговаривалъ съ тобой греческій Имамъ!—спросилъ Али, когда мы вышли на улицу:—а про своего бѣя сказала ему?

— О, нѣтъ! къ чему? вообрази, какое счастье, онъ ровно ничего не знаетъ, и все толковалъ о католическихъ священникахъ!..—Али, дорогой мой,—продолжала я, заглядывая ему въ лицо:—завтра рано утромъ отнеси письмо...

— Нѣтъ! моя коконица, нѣтъ! лучше и не проси!—убѣжденно произнесъ онъ:—благодари, что еще молчу, и то прямо изъ жалости къ высокородному бею, но обманывать своихъ господъ, хлѣбъ которыхъ я ѣмъ—не стану: Аллахъ не велитъ!..

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).